

К вопросу о диалоге культур

И. Г. Палий

РГЭУ, Ростов-на-Дону

У культурной области нет внутренней территории: она вся расположена на границах каждого момента своего существования во взаимодействии культур. Не может быть одной культуры, так как каждая культура живет только диалогом культур, в диалоге этом ее смысл, ее уникальность...

Чужая культура раскрывается только в глазах другой культуры посредством смыслового диалога, благодаря которому преодолевается замкнутость и односторонность самих смыслов.

Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом.

ON THE DIALOG OF CULTURES, by I.G.Palij. The cultural region has no internal territory: it all is located at boundaries of every moment of its existence in interaction between cultures. There cannot be one culture, because every culture lives only owing to a dialog of cultures; this dialog is its sense, its originality...

A foreign culture is opened only through another culture by the semantic dialog which overcomes the closeness and narrowness of senses themselves.

A sense is potentially infinite, but it can become actual only by coming into contact with another (foreign) sense.

Когда мы размышляем о вероятности существования внезапного разума и о встрече с ним, задумываемся над тем, какую форму может принять наше взаимодействие, диалог представляется наиболее оптимальным. Но в связи с этим возникает проблема методологии подобного диалога. И здесь единственно возможной отправной моделью может служить методология диалога земных культур.

Первый вопрос, который требует своего осмысления, — что есть по сути процесс диалогизации как таковой? И прежде чем ответить на него, нужно вспомнить, что никакие события человеческой жизни не развертываются и не разрешаются в пределах сознания одного человека, более того, самого по себе отдельного сознания тоже не может быть без диалога с другим сознанием. Именно поэтому сам человек никогда не совпадает с самим собой. К нему, как писал Бахтин М.М., не применима формула тождества. Подлинная жизнь личности, ее продвижение по пути развития совершается всегда в точке этого несовпадения человека с самим собой. Что может помочь человеку не впасть в самодовольство, проявить гибкость ума, не оказаться в духовной изоляции? Современное

бытие человека и общества требует разномыслия, диалогичности духа, сопоставления взглядов и позиций. Именно поэтому процесс диалогизации — это прежде всего процесс самопознания посредством другого и постижение другого путем “пропускания через себя”.

Точно так же, как люди стремятся понять друг друга при помощи диалога, в процессе диалогизации протекает взаимопонимание культур. Более того, именно диалог культур создает исторически окрашенную субстанциональную почву для понимания и взаимодействия живых людей, в том числе и наших современников. Сегодня проблема диалогизации культур требует своего теоретического осмысления, глубокой проработки, как в плане анализа отдельных культур, так и анализа становления мировой культуры как целостности.

Мысль о культуре как процессе диалога не нова, и прежде всего потому, что диалог органично вплетен в контекст практически любой из известных нам культур, так как взаимовлияние, взаимодействие, заимствование всегда представляли собой результат диалога культур.

Истоки возникновения проблемы диалога культур уходят корнями в философию Древнего Востока

ка и Древней Греции. Путь развития теории стал источником современных концепций диалога, которые затрагивают целый ряд аспектов диалогизации культур. Так, в философских изысканиях Э. Гуссерля понятие интересубъективности трактуется как особая общность между субъектами диалога. Эта общность становится, по Гуссерлю, условием взаимодействия и передачи знания, умения, понимания от одного к другому. Это попытка обосновать рефлексию посредством самой рефлексии. Этот приём можно использовать как диалог в универсальной структуре, применительно к любому познающему субъекту, в опыте взаимоотношения между культурами в том числе.

Проблемы диалога культур касалось немалое число исследователей. Так, в XX веке разные ее грани осветили Макс Вебер и Карл Ясперс, Питирим Сорокин и Герман Гессе, Ортега-и-Гассет, Гадамер и другие. Но, пожалуй, ближе всех к решению вопроса о диалоге культур подошли наши соотечественники: А. Лосев, Н. Конрад, Л. Выготский, Д. Лихачев, М. Бахтин, В. Библер. Это не случайно, так как предшествующий век оказался воистину золотым веком русской культуры как культуры синтеза, культуры, по сути, диалогического типа.

Невозможно охватить в полной мере все стороны вопроса о диалоге культур. Мы попытаемся остановиться лишь на некоторых опорных точках в решении этой проблемы.

Одной из важнейших составляющих идеи диалога культур является понимание диалогического характера процесса развернутого, точнее обращенного внутрь себя самосознания каждой культуры. Главной здесь является мысль Бахтина о том, что культура есть там, где есть как минимум две культуры. В этом и только в этом случае самосознание культуры становится формой ее существования на грани с другой культурой. Здесь огромное значение придается языку, на котором этот диалог только и возможен. А диалог этот становится действительным только при условии, когда он достигает уровня всеобщности речи и мысли. Хочется привести один из фрагментов рассуждения Бахтина: “Так безграмотный крестьянин за тридевять земель от всякого центра, наивно погруженный в еще незыблемый для него неподвижный быт, жил в нескольких языковых системах: богу он молился на одном языке, песни пел на другом, в семейном быту говорил на третьем, а начиная диктовать грамотею прошение в волость, пытался заговорить и на четвертом. Всё это — разные языки даже с точки зрения абстрактных социально-диалектологических признаков. Но эти языки не были диалогически соотнесены в языковом сознании крестьянина; он переходил от одного в другой

бездумно, автоматически: каждый был бесспорен на своем месте, и место каждого было бесспорно. Он еще не умел взглянуть на один язык . . . глазами другого языка”. (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. 1975 г., с. 108-109).

Поле, где происходит общение всех этих языков, где языковой диалог доводится до предела, становится художественная литература и высшая её жанровая форма — роман. В романном произведении получает своё выражение диалог многих диалектов и языков, и диалог этот всегда порождает новый смысл, в принципе доступный читателю именно потому, что передан он во всеобщности речи и мысли человека.

Жанровая форма романа развивается в период Нового времени, точнее в XVII веке, именно потому, что в этот период происходит формирование национальных европейских литератур, а следовательно, и национальных художественных языков. И поэтому только в романе как в наиболее развитом литературном произведении смысловое наполнение художественного слова становится концентрированно выраженным.

Суть всеобщности диалогизма романной жанровой литературной формы можно объяснить процессом погружения “внешнего слова” внутрь сознания, превращением внешнего диалога в диалог самосознания. Аналогом такого самосознания как диалога может служить “внутренняя речь” в понимании Выготского, который считал, что в процессе погружения внешней артикулированной речи в психику индивида язык полностью перестраивается. Он как будто собирается в “точку” и обретает новый синтаксис и новую семантику — семантику смысла, а не просто значения. И из этой “точки” речь и мысль творятся впервые.

Оттолкнувшись от бахтинского понимания диалога в форме романного произведения, мы вполне можем увидеть этот процесс формирования новых смыслов посредством диалога в великих произведениях изобразительного искусства, в музыке, религии, науке или философии. Все действительные произведения человеческой культуры являются результатом диалога культур, но диалога, достигшего уровня всеобщности.

В процессе такого диалога в сознание человека погружаются и во внутренней речи трансформируются целые “блоки культур”, как бы заранее приготовленные для такой трансформации, так как сам диалог только и возможен как процесс превращения движения, идущего “извне-вовнутрь” в движение, идущее “изнутри-вовне”.

Эти блоки культур с самого начала альтернативны и трагичны, так как служат в процессе диалогизации лишь своеобразным материалом для возникновения всегда чего-то иного по отношению

к ним самим. Так вообще протекает процесс развития каждой культуры. Движущей силой её является творчество человека, всегда пребывающего в состоянии актуального диалога. Здесь уместно вспомнить Гегеля, который прямо говорил о том, что если бы не было Декарта и Спинозы, не было бы и его собственной философской системы.

Для понимания сути диалога культур необходимо допущение априорности внешнего диалога, всякий раз устремленного на свое внутреннее преобразование. Это важно еще и потому, что здесь мы обнаруживаем диалогичность как едва ли не “родовую” черту человеческого духа. Тот же Гегель не случайно обозначил историю философии как процесс самоосуществления человеческого духа. По большому счёту процесс самоосуществления человеческого духа в разных “ипостасях” культуры — всегда каузально-диалогический процесс. Здесь диалог выступает причиной, средством и целью развития самой культуры. В самоосуществлении человеческой культуры диалог является основным механизмом образования отдельных культур (этнических, национальных и т.д.). В то же время он выступает основным средством всех межкультурных отношений, связывая их своеобразной непрерывной нитью в историческом процессе становления единой всеобщей человеческой культуры как таковой. С точки зрения исторического разворачивания культур имеет смысл вводить понятия, как это сделал Библер, “малого времени культуры” и “большого времени культуры”, причем исторически последнюю наличную культуру только и можно рассматривать с точки зрения Большого времени.

В культуре XX века осуществилась кристаллизация всех иных предшествующих культур (причем здесь не идет речь об их снятии). Именно поэтому самосознание культуры нашего времени возможно только при условии феномена одновременности культур, общения между ними, а не их взаимоотвержения. Подчеркнем в связи с этим, что речь здесь идет о диалогах не только всех существовавших и существующих культур, но и тех, которые еще только становятся, пребывают в возможности. Актуальным является всегда только настоящее бытие культуры, где действительность и возможность также пересекаются в диалоге.

Понимание каждой культуры как субъекта, который в общении с другими образами культур обнаруживает и впервые актуализирует свои новые формы и смыслы, — такое понимание и синтезирует все определения диалога воедино. Диалог становится всеобщей сутью гуманитарного мышления. Такое существование культуры обнаруживает себя в Большом времени, где соотносимы все малые времена всех культур. Причём всякое малое вре-

мя культуры персонифицировано — это время Гомера, Св. Августина, Эйнштейна и т.д. Поэтому диалог культур всегда протекает в лоне персонифицированно выраженного человеческого духа.

Процесс диалогизма одухотворяется культурой, как правило, дважды.

Прежде всего он порождается как результат амбивалентности каждой культуры. Это значит, что каждая культура способна отстраняться от себя самой, не совпадать с собой, быть диалогичной по отношению к себе самой и именно поэтому — быть диалогичной по отношению к иным культурам.

С другой стороны, именно в XX веке диалог культур впервые может быть понят в его действительной всеобщности.

Это утверждение может быть по меньшей мере странным, если учесть реальные конфликты и трагедии людей как XX века, так и нынешнего времени. И всё же именно в наше время происходит сдвиг культуры и её проблем в эпицентр человеческого существования. Более того, именно отчуждение во всех его формах, приведшее к абсурду существование целых экономических и политических систем, поставившее человека и общество на грань абсурдности бытия, заставляет сегодня задумываться о возможных путях преодоления отчуждения как такового. Этот поиск с необходимостью заставляет современного человека переходить из локального, относительно замкнутого, состояния в лоно действительной всеобщности культуры.

В прошлом веке (особенно в его конце) как будто разорвалась связь времен. Всё более проявляет себя несводимость друг к другу Ближневосточного (Библейского) и Античного миров, Античного и Средневекового смыслов человеческого бытия, ныне — это, казалось бы, исключают друг друга Арабский и Европейский образы жизни. И это верно, когда речь идет о противостоящих друг другу различных смыслах культур. Но, вместе с тем, все они оказываются существенными и роковым образом связанными между собой, когда речь идет об обычной повседневности каждого современного человека, независимо от осознания им этой ситуации. Любой из нас, живых, находясь в Африке или России, оказывается сегодня где-то в промежутке различных встречных и пересекающихся смысловых линий, исходящих из разных культур, но соединённых вместе в плоскости Большого времени.

Современный человек и остаётся наедине с самим собой, и одновременно как бы существует на пересечении множества культур, а значит, эпох, событий, исторических форм бытия тех людей, которые уже ушли, и прах их истлел. Огромное же их влияние на человека нашего времени продол-

жается.

В настоящее время человек и общество пребывают не только в наличном времени, но и как бы в промежутке, связанном со всеми былыми временами. Сегодня человек поставлен перед жестким и необходимым самостоятельным выбором. Ни один его осмысленный поступок уже не имеет абсолютной исторической или ценностной санкции. Каждый поступок несет в себе риск личного выбора, исторических форм общения, исторических судеб. В данном случае можно сказать, что современный человек обречен на свободу выбора, а возможно, и на все прочие свободы. Все ценностные и смысловые спектры оказываются значимыми для современного человека в плоскости единого времени.

В этом сосредоточении различных духовных процессов можно разглядеть две составляющие, имеющие значение для становления личности. Вверху, некая горизонталь: смещение и сближение Запада и Востока, Азии, Африки, Латинской Америки и т.д. Современному человеку могут быть в равной мере близки Борхес, Кобо Абэ или Фолкнер (как люди нашего со-бытия). Но близкими могут быть японские танка, хокку или африканская деревянная скульптура, гравюры Хокусаи или идеи Конфуция и Платона и т.д. Все, что было в предшествующих культурах, не есть “нижние ступени лестницы” (они могут быть низшими только с точки зрения исторической последовательности периодов человеческого бытия), они современны с точки зрения бытия человеческого духа, в лоне культуры. Эта “горизонталь” приобретает решающее экзистенциальное значение в нашем повседневном сознании и опыте.

Другой составляющей духовной всеобщности является своеобразная “вертикаль” — непрерывное приращение, восхождение и продуцирование идей и смыслов в процессе углубления человеческого понимания и самопознания. Это происходит в науке, философии, искусстве, в целом в культуре, когда каждая из ее составляющих стремится к выходу за свои пределы.

Эти “горизонталь” и “вертикаль” человеческой культуры взаимообусловлены, взаимосвязаны в перекрестьи, крестовине процесса диалогизации. Диалог здесь — форма скрепляющая, связывающая и одновременно особым образом “распинающая”, расчленяющая культуру.

Жизнь человека нашего времени подчинена, казалось бы, парадоксальной форме его собственного бытия — это жизнь в промежутке всех до сих пор существующих времен и в их одновременности. В этом, как представляется, главная особенность нашей культуры: с одной стороны, западное “*Cogito ergo sum*”, с другой — восточное — “*Tat tvam asi*”. Разум современного человека в

состоянии обнаружить истину (в физике, математике, искусстве) только во взаимообосновании и одновременно взаимоотрицании противоположных форм — в общении исторически последовательных, но логически сопряженных миров.

С позиции Большого времени человек может раскрыть для себя содержание и смысл предшествующих ему культур, используя метод, который однажды предложил К. Маркс: “Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот”. Это означает, что, только находясь в плоскости Большого времени, человек может, исходя из сложноструктурированной и многосмысловой культуры, понять каждую из предыдущих культур как культуру малого времени. Последние, в совокупности своей, в своей взаимосвязи, только и могут составить системный феномен культуры Большого времени, т.е. современной нам культуры. В этом процессе самопознания мы должны двигаться особым образом от культуры известной к культуре познанной. Именно это, по всей вероятности, имел в виду замечательный Ортега-и-Гассет, когда считал, что постигать историю прошедших времен — значит, знать их лучше, чем они знали себя сами. Узнавая людей, их образ жизни, их способ мышления, мы только и можем познать самих себя.

Общение через произведения культуры — это и есть общение через “магический кристалл”. В наш век качественно возрастает роль читателя, слушателя, зрителя, который должен вместе с художником формировать, досоздавать произведение. И в этом смысле возникает диалог сотворчества, созидания между автором и зрителем, который становится соавтором. А это означает, что в современной культуре каждый имеет возможность выразить собственную свободу, но одновременно каждый обременен чувством долга и ответственности. Именно поэтому наш век чрезвычайно обостряет проблему толерантного отношения человека и человека, человека и общества, государства и человека и т.д. Без умения выстраивать диалог, без современной тонкой и развитой способности вести диалог в любых сферах человеческой жизни, мир становится неуправляемым, предельно хрупким и угрожает взорваться.

У сегодняшней культуры нет внутренней территории или одномерного пространства — это пространство многих пространств. Платон имеет бесконечные резервы все новых и новых аргументов, ответов, вопросов в диалоге с Аристотелем. Аристотель также обнаруживает возможности “формы форм”, отвечая Платону. Кант гораздо более содержателен в “беседах” с Платоном, Веласкес вполне мог бы вести диалог с Пикассо, а Джойс — разговаривать с Ясперсом или Лао Цзы. Уникаль-

ность каждого авторского творения раскрывается и имеет смысл только во взаимоотношении систем человеческого духа, но, вместе с тем, их уникальность только и может обнаружить себя посредством универсума духовности как таковой. Иногда можно и даже необходимо организовать философские или научные системы в восходящий ряд, это будет феномен цивилизации, или цивилизационный “срез” философии или науки. Смысловое понимание культуры возможно только в обнаружении взаимопереходов, одновременности и разносмысленности философских систем, научных парадигм или музыкальных композиций в плоскости универсума человеческого духа. Но это означает, что сегодня человек Земли готов и к диалогу с инопланетным разумом практически на тех же основаниях, что и со своим собственным.

М.М. Бахтин настаивал, что смысл любому нашему высказыванию всегда придает ясное понимание того, на какой вопрос отвечает это высказывание. Культура поэтому не только понимается, но и творится и возникает в попытках ответить своими произведениями на вопрос действительно существующего или уже (или пока) несуществующего собеседника. Но это означает особую обращенность культуры вовне, ее сквозную адресованность в иное (земное или внеземное бытие). Для истинной культуры такое положение дел означает острую необходимость быть вне собственного бытия, быть в ином мире. Культура в своих произведениях позволяет нам посредством диалога как бы заново порождать мир.

Культура — это всегда “мир впервые”. Вместе с тем, предметным основанием всех срезов и проекций идеи культуры выступает сфера творений культуры и ее творцов как неделимых частиц (“атомов” или “монад”). Шекспир остается Шекспиром и Эйнштейн остается самим собой во все времена. Творческий человек всегда находится на грани культур и, вместе с тем, он создает единственно возможным способом единственно возможное творение, включая в этот процесс всю гамму и всю глубину мастеров его школы, его направления, его дела. Он, автор, как бы повторяет пройденное, но повторяет заново и одновременно входит в прошедшее время культуры единственно возможным способом. Не случайно Мандельштам считал, что культура есть только там, где есть эта, постоянно ощущаемая и заново переходимая, и заново формируемая точка трансформации хаоса в космос. Обычный человек может постигать то же самое на примере великих творцов культуры, когда он пытается создавать свою собственную жизнь среди других людей. Именно поэтому любой из нас должен научиться вести диалог со всякими проявлениями культуры, а тем самым с самим собой, а, значит, уметь разговаривать с другими. В этом смысле процесс диалогизации есть процесс, избавляющий человека от глухоты, слепоты и примитивизма. И кто знает, может быть, мы уже созрели для диалога в том числе и с внеземной цивилизацией именно потому, что мы нуждаемся в нем — нам жизненно необходим взгляд на нас самих с точки зрения Другого.